

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

«ОСОБОСТЬ» РОССИИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Кивинен М. Прогресс и хаос: Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академический проект, 2001. — 272 с. (Серия «Современная западная русистика». Т. 37)

Книга Маркку Кивинена представляет несомненный интерес для российской социологической аудитории не только потому, что книга эта — о России. Ее можно рассматривать как своего рода «прецедентный текст» — прецедентный в том смысле, что здесь обнаруживаются характерные особенности направления исследований, топика и оптика которых заданы интеллектуальным стилем в «современной западной русистике». Разумеется, современная западная русистика сформировалась благодаря фундаментальным трудам историков, социологов и литературоведов, среди которых «передний край» занимают работы И. Берлина, Дж. Кеннана, Э. Карра, Й. Бохеньского, Д. Биллингтона, А. Валицкого, Н. Верта и некоторых других исследователей. Их труды образуют своего рода канон для современного русистоведения. Однако определять результаты их изысканий как достижения западной русистики было бы неверно потому, что место пребывания исследователя, по крайней мере, в «нормальной науке» (здесь есть резон следовать принципам этоса науки по Р. Мертону), нимало не влияет на точку зрения, владение материалом и систему аргументации. Равным образом, некорректно утверждать, что, например, академик Е.А. Косминский, крупнейший специалист по системе землепользования в Англии, был представителем «русской меди-

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов. **Адрес:** 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. **Телефон:** (095) 433–20–22. **Электронная почта:** dpodvoiski@yandex.ru

вистики». Его точка зрения и владение материалом не зависели от того факта, что жил он в СССР, а не в Англии.

В данном случае речь идет о взгляде на Россию как на некоторый уникальный культурно-исторический феномен, отчасти непроницаемый и поэтому представляющий собой некоторую разновидность *curiosity* — нечто странное и занимательное. Здесь работает не столько тема, сколько «локус» — точка зрения, заданная позицией исследователя, и коль скоро эта позиция находится на Западе, то и манера оперирования материалом, и аргументация приобретают специфически «западный» оттенок. Вовсе не удивительно, что «гордый взор иноплеменный» в полной мере свойственен и посещающим Россию (или даже постоянно в ней проживающим) «социальным ученым». В рамках такой интеллектуальной перспективы возникает множество мифов: Святая Русь и первое в мире социалистическое государство, Россия западников и Россия славянофилов, таинственная русская душа (было бы интересно сравнить данное понятие с концептом «таинственной финской души»), «русская идея». То же — для иностранцев: для туристов — одно, для интеллектуалов (славистов, советологов, русистов) — другое. Как у первых, так и у вторых — свои концепты и свои ассоциации. Для одних — Красная площадь, Московский Кремль, заснеженные ели, города Золотого кольца, Вологда или Соловки, «Калинка», черная икра, водка, дрессированные медведи в окружении пляшущих и поющих цыган, гусарская рулетка, Распутин, «кей-джи-би» и т. п., для других — Толстой и Достоевский, реформы Петра, традиции автократии, византизм, помноженный на монголо-татарское иго, православие, община, интеллигенция, большевики, НЭП, коллективизация и индустриализация, репрессии, доминирование сектора производства над сектором потребления, партийно-государственная номенклатура, стагнация экономики, перестройка, мафиозный капитализм, муки становления структур гражданского общества, «проблемы» со средним классом... М. Кивинен так же, как и другие знатоки русского вопроса, апеллирует ко второму из перечисленных кругов символических образов и персонификаций.

В корпусе зарубежной научной и публицистической литературы, посвященной российской проблематике, книга М. Кивинена занимает достойное место. В ней нет типичных одиозностей и вульгаризаций в трактовке исторического материала. Автор рассуждает о России, ее прошлом и настоящем, о ее культуре со знанием дела. Он неоднократно бывал в России, поддерживает обширные контакты с российскими учеными. В 1990-е годы М. Кивинен провел в Санкт-Петербурге эмпирическое исследование различных аспектов глобального социально-трансформационного процесса в современном российском обществе. Среди прочего анализировался обширный социально-биографический материал (рассказы россиян о собственной жизни и ее перипетиях на фоне исторических изменений), собранный

методом фокусированного интервью. И все же хорошо видно, что книга написана человеком, который смотрит на предмет не только со стороны, но и издалека. У такого взгляда есть как достоинства, так и недостатки. Конечно, «большое видится на расстоянии», но ведь «большое» не значит «существенное», вернее — оно может таковым быть, а может и не быть. Иногда существенное содержится в деталях, «в контексте», в толще каждодневных, малозаметных дел и событий. Наблюдатель, взирающий на социокультурный объект издалека, имеет шанс усмотреть в нем только «видимость», «внешность», поверхностную сторону. В результате некоторые эксперты (и западные, и российские) по российским проблемам оказываются носителями довольно странных представлений, имеющих отдаленное отношение к тому фрагменту социальной действительности, которую они объясняют.

М. Кивинен претендует на концептуальность своего подхода, о чем заявляет со всей определенностью. Однако «концептуальность» присутствует в работе скорее как декларация. Она демонстрируется на уровне вопросов, а не ответов. По содержанию работа мало похожа на стройное теоретическое рассуждение, в котором разворачивается ясно распознаваемая логика доказательства. В книге сравнительно небольшого объема говорится о многом, почти обо всем. Ткань текста, его структура характеризуются лоскутностью и фрагментарностью. Большинство проблем, поднимаемых автором, рассматривается бегло, одна тема сменяет другую, их связь угадывается лишь приблизительно, при этом общей картины не создается. Некоторые из экскурсов в историю российского общества и культуры (особенно дореволюционного периода) выглядят поверхностными и стереотипизированными.

Возможно, все это обусловлено авторским кругом чтения, о котором можно в какой-то мере судить по достаточно обширному библиографическому списку. Интеллектуальный багаж, накопленный российской общественной мыслью XIX–XX вв., и литература русского зарубежья здесь практически не используются (отдельные ссылки на Н.А. Бердяева и Н.М. Зернова не компенсируют этого пробела). Общественно-научная и историческая литература 1980-х и 1990-х годов также представлена в библиографическом списке очень скупо. М. Кивинен цитирует В. Шляпентоха, Б. Кагарлицкого, Т. Заславскую... Более подробно и даже в некотором роде прицельно рассматривается серия статей, опубликованных в сборнике «Осмыслить культ Сталина», вышедшем в 1989 г. в Москве под редакцией Х. Кобо (в том числе статьи Л. Аннинского, А. Антонова-Овсеенко, Л. Баткина, Л. Гозмана и А. Эткинды, Е. Евтушенко, М. Капустина, О. Лациса, Б. Сарнова, Л. Седова). Однако это скорее «точки зрения», чем результаты исследовательской работы. Вероятно, круг чтения предопределил и жесткие оценки современного состояния общественных

наук: «Поразительно, но, несмотря на глубину потрясений и трагедий, пережитых российским обществом, российская социология не вышла за рамки безобидных эмпирических исследований, не выработала сколько-нибудь серьезных теоретических концепций. И это при том, что именно теоретические концепции являются основой рефлексии в общественных науках... В определенной степени отсутствие социологических концепций и ныне является проблемой для российских общественных наук. Создается впечатление, что почти все более или менее известные российские социологи обзавелись собственными научными институтами, в которых проводятся многочисленные прикладные исследования мнений или ценностей по самым разным проблемам, вызывающим интерес у их создателей. Может показаться, что лишь немногие из этих научных учреждений имеют достаточно энергии и энтузиазма, чтобы заниматься серьезной теоретической работой» (с. 13–14). Это оценку нельзя считать безосновательной. Действительно, у современной российской социологии имеются определенные «проблемы», но их существование связано скорее всего с осознанием чрезвычайной сложности подлежащих концептуализации тем, будь то автократическая традиция и ее укорененность в русской истории, перспективы демократии, логика социально-трансформационного процесса, формирование структур гражданского общества, появление среднего класса, приобщение к ценностям и жизненным стандартам постиндустриальной цивилизации и т. п. Совершенно естественно, что изнутри ситуация кажется более сложной, чем снаружи. У «скромных эмпириков» — своя правда. Их позиция, быть может, не такая яркая, но, несомненно, более надежная, если сравнивать ее с позицией «смелых теоретиков».

Очевидно, что у западных интеллектуалов интерес к такому экзотическому объекту исследования, как Россия, поддерживается благодаря определенному отношению к этой «загадочной стране». Многие специалисты занимались изучением России профессионально, но вопрос «Куда идет Россия?» решался, как правило, «не просто так». Советологические изыскания вдохновлялись практической задачей: нужно было установить степень опасности «тоталитарного монстра». В массе советологической публицистики преобладали стереотипы. Дореволюционная Россия — «темное царство», Советская Россия — «империя зла». Итоговый вывод *verbis indiscipinatis* звучал так: «В этой стране жизнь протекает по иным, чуждым цивилизованному миру законам, но рано или поздно все это должно закончиться, лопни моя селезенка...». Но существовала и другая точка зрения — ее разделяли левые, социалисты, марксисты разных доктринальных толков, интеллектуалы, сочувствовавшие рабочему движению. «Попутчики», которых великолепно изучил П. Холландер, до времени видели в Советской России друга. Они смотрели на Россию (Советский Союз) с надеждой. Новый «свет с Востока» манил и в то же самое время ос-

леплял их. Для некоторых из левых энтузиастов магическое притяжение этого света обернулось личной жизненной трагедией: так сложилась судьба и одного из родственников автора книги — финского социалиста Калле Леполы. Впоследствии в поисках своего «третьего пути» они будут учитывать опыт первого государства рабочих и крестьян (в его положительном и отрицательном измерениях) в не меньшей мере, чем опыт западной социал-демократии. Многие из них в процессе эволюции собственных взглядов преодолеют социалистические иллюзии молодости. Для кого-то последним эмпирическим доводом в пользу отказа от былых идеологических симпатий станет распад Советского Союза и череда «бархатных революций» в странах «народной демократии». Но интерес к России, к событиям, в ней происходящим, в сознании этой группы западных интеллектуалов, судя по всему, сохраняется до сих пор. Примером в данном отношении может служить рассматриваемая книга.

М. Кивинен выступает перед потенциальной читательской аудиторией именно как исследователь-социолог, а не как политик или публицист. К такой идентификации обязывает, в частности, его профессиональный статус: он является директором Финского центра российских и восточно-европейских исследований. Тем не менее в книге демонстрируется явная целевая ориентация, выходящая за рамки задач специфически научного свойства. Сам автор определяет свою целевую установку так: «В этой книге дается авторская интерпретация того, что представлял собой Советский Союз, и делается попытка оценить, в каком направлении движется современная Россия. В решении этих задач теория должна сыграть важную роль, но главная цель книги сугубо практическая. В конечном итоге вопросы, которые я хочу поставить, звучат следующим образом: в каком направлении будет развиваться рабочее движение в наступившем тысячелетии? Может ли оно учесть опыт прошлого столетия? Может ли социология помочь ему в овладении этим опытом?» (с. 17–18).

«Для многих интеллектуалов марксистской ориентации, — пишет М. Кивинен, — распад Советского Союза был равнозначен гибели всемогущего божества. Их объяснение мира исчезло без следа. Исчезло все, во что они верили, потеряло силу все, что они говорили» (с. 12). Поэтому осмысление краха советской системы, его причин и последствий для мирового левого движения имеет первостепенное значение. Есть ли будущее у социалистических идей или они были скомпрометированы печальным опытом XX века раз и навсегда? На этот вопрос, по мнению финского социолога, нельзя ответить категорически и определенно, но сама его постановка побуждает к серьезному размышлению: «Советский Союз был проектом немалого масштаба, ставившим целью построить определенный образ жизни. Это была настоящая революция. Его непреднамеренные последствия подчеркивают ограничения и противоречия, содержащиеся в первоначальном проекте» (с. 12).

чальных планах. От этого проекта нельзя отмахнуться как от досадной осечки, но нельзя в свете случившегося создавать новый социалистический или марксистский проект на старом фундаменте» (с. 238).

Бог социалистов умер. (Можно было бы продолжить парафраз Ницше: «Это вы его убили...».) Что же дальше? М. Кивинен формулирует свой ответ в лучших традициях европейской социальной мысли: «В интеллектуальном смысле смерть божества может стать для народа наилучшим исходом. Когда заканчивается вера, начинаются размышления» (с. 13). Размышления над свежей могилой социалистического проекта, по мнению финского социолога, должны с неизбежностью привести к «деконструкции священных кодов рабочего движения». «Прежде всего, такая деконструкция означает осознание обратной стороны собственной традиции, сознательный отказ от замалчивания фактов и табу. Как это ни странно, но после распада СССР радикальное левое движение хранит полное молчание. А нужна деконструкция в духе просвещения и иронии» (с. 239).

Роль интеллектуального поводыря левого движения в современных условиях должна принять на себя, согласно подходу М. Кивинена, критическая социология. Главным авторитетом в этом отношении для автора является Чарльз Райт Миллс. Между прочим, заглавие книги, о которой здесь идет речь, в английском варианте звучит как «Progress and Chaos: Russia as a challenge for the sociological imagination»¹. В каком смысле Россия может стать вызовом социологическому воображению и какую пользу оказывается способен извлечь из этого симпатизирующий левому движению интеллектуал? Относительно второго аспекта, то есть относительно «пользы», утверждается следующее: «Социология не создает и не может создавать новые культурные формы», «но она может указывать на существующие институциональные альтернативы» (с. 238). Что же касается самого «социологического воображения» как особой исследовательской программы, то в этом пункте М. Кивинен демонстрирует (по крайней мере, на словах) завидную ортодоксальность. Во втором прологе, предваряющем содержательную часть исследования, он пишет: «Я

¹ В русском переводе превращение подзаголовка «Россия как вызов социологическому воображению» в подзаголовок «Социологический анализ прошлого и будущего России» имеет свои резоны. Думается, что потенциальная аудитория русского издания книги М. Кивинена, несмотря на ее скромный тираж, могла бы быть достаточно широкой, во всяком случае, включающей в свой круг не только профессиональных социологов. Вероятно, именно поэтому (а может быть, и в силу иных аргументов) подзаголовок, содержащий в себе специальный теоретико-социологический концепт, был заменен переводчиком на другой — более общий и менее определенный.

буду следовать основополагающему методологическому положению Ч.Р. Миллса, в соответствии с которым задача социологии состоит в том, чтобы соединить индивидуальные события с большими структурами и историческими процессами» (с. 15). Терминология в стиле Миллса в некоторых местах сменяется терминологией в стиле Гидденса. В конце книги автор заявляет, что его «социологический подход основывается на идее структуризации: классовая структура, властные и культурные структуры должны рассматриваться с двух позиций: позиции структурного анализа и позиций социального агента» (с. 237). При этом методологический статус данной исследовательской перспективы определяется в духе мертоновской концепции теорий «среднего уровня». В книге, по словам самого М. Кивинена, «делается попытка проложить маршрут где-то посередине — между высокими социологическими обобщениями и результатами опросов общественного мнения» (ибо западные социологи якобы «тяготеют к первому», а «их российские коллеги — ко второму») (с. 17).

От такого подхода к анализу реалий российского общества, по мнению его разработчика, можно ожидать принципиально новаторских исследовательских результатов. Российская же общественная мысль сегодня, как полагает финский социолог, оказывается не слишком расположенной к движению в указанном направлении. Специалисты в области общественных наук в современной России либо занимаются своими узкопрофессиональными эмпирическими проектами, либо постигают глубины «таинственной русской души». Эмпирические исследования, не фундированные теорией, не дают и не могут дать панорамного видения логики протекающих в современном российском обществе трансформационных процессов. М. Кивинен говорит об этом так: «В настоящее время внимание российских социологов да и многих рядовых россиян поглощено разработкой философских оснований «русской идеи», нередко соединяемой с идеей соборности и православия. В России в последние годы предметом обсуждения стали моральный и духовный надломы в обществе. Обсуждение таких тем, как особый характер российских общественных институтов и социальной структуры, отошло на второй план. Серьезный социологический анализ нужен именно для того, чтобы противодействовать подобной аргументации нравственного порядка. Однако такой анализ не может заключаться только в общих разговорах о «модерне» или извращении «модерна» в России. Необходим глубокий социологический анализ властных, классовых и культурных структур...» (с. 14).

Но что же, собственно, предлагает М. Кивинен? Чем фактически становится для него познавательная стратегия «социологического воображения», как она работает в его книге и каких конкретных результатов достигает? Авторский вариант ответа в первом приближении может быть сформулирован предельно ясно: «Я... ставлю своей це-

люю анализировать отдельные факты при помощи существующих теоретических концепций, опосредуя теорией любые ссылки на эмпирические данные» (с. 14). Сама идея выглядит очень привлекательно: действительно, что может быть интереснее — свести «лицом к лицу» российскую социальную реальность и социологическую теорию! Можно ли использовать концептуально-методологический инструментарий современной социологии в качестве средства объяснения (и интерпретации) событий и фактов российской истории минувшего столетия? А почему бы и нет. Однако одно дело — декларация намерений, и совсем другое — их осуществление.

При чтении книги возникает довольно странное ощущение. Вроде бы речь идет о российской общественной жизни, к ней прилагаются по ходу авторских рассуждений те или иные «объяснительные схемы», но в результате самого «эвристического таинства» объяснения не происходит. Факты и теории в книге М. Кивинена более или менее мирно сосуществуют под одной крышей твердого типографского переплета, не вступая (или, во всяком случае, не всегда вступая) во взаимодействие. Факты живут своей жизнью, теории — своей, как в коммунальной квартире. «Объяснительная мощь» последних по отношению к первым оказывается не выявленной в полной мере. Ведь основная задача исследования такого типа должна была заключаться в том, чтобы показать, как именно концепты теории объясняют определенные исторические конфигурации социальных феноменов.

Проблему, оборачивающуюся подобного рода последствиями, нужно рассматривать в связи с некоторыми важными структурно-композиционными особенностями книги. Текстовый материал книги (при ее небольшом объеме и грандиозных целевых установках) кажется дискретным, разнородным, избыточно фрагментированным. Пространство текста выглядит настолько пестрым, что узор, по которому можно было бы судить об общей логике развертывания исследовательского замысла, не улавливается.

Книга М. Кивинена состоит из пяти относительно самостоятельных смысловых блоков, именуемых главами. На самом деле глав, относящихся к собственно содержательной части, только три. К ним присовокупляются вступление, состоящее из двух прологов, и заключение, в котором социолог подводит итоги своей исследовательской работы. Основной текст дополняют также три приложения. Краткое обоснование структуры содержательной части дается во введении, где читатель уведомляется в том, что анализ российского общества будет вестись в трех различных измерениях — автора будут интересовать властные отношения (гл. 2), проблема классов (гл. 3) и культура (гл. 4). Конечно, автор прекрасно понимает, что обозначенные сферы тесно связаны между собой и оказывают друг на друга значительное влияние. Но как именно они связаны, существует ли какая-то

иерархия в их взаимных отношениях — обо всем этом ничего не общается.

Глава «Власть» по сравнению с двумя последующими выглядит сумбурной и фрагментированной. Она состоит из пяти разделов, каждый из которых, в свою очередь, дробится на несколько смысловых компонентов, имеющих собственное наименование. (Такую же трехуровневую структуру имеют главы «Классы» и «Культура».) В первом разделе главы рассказывается о том, как большевикам удалось стать господствующей политической силой в масштабах российского общества постреволюционной эпохи: как партия победила Советы, как она боролась с оппозицией, как выкорчевывала слабо пробивающиеся ростки рабочей демократии и т. д. В итоге он приходит к следующему выводу: «Практика большевиков представляла собой последовательно реализуемый политический курс. Такой курс не обязательно приводит к сталинизму, но в создаваемой с его помощью структуре управления возникают явные предпосылки для движения общества в этом направлении» (с. 29).

Второй раздел главы содержит конспективный обзор марксистской концепции государства. Здесь говорится о Марксе, о работе Ленина «Государство и революция», о классических (немарксистских) трактовках понятия «гражданское общество». При этом упоминается множество имен — Боден, Гоббс, Спиноза, Руссо, Локк, Кант, Сен-Симон, Токвиль, Альтюссер, Сидней и Беатриса Вебб, Пулантцас, Турен и другие. Как в калейдоскопе — пестрота и отсутствие ясности. Однако эти перечисления, по-видимому, приводятся с целью проблематизировать тему «Марксизм и гражданское общество — теория и практика». Конечно, не очень понятно, о каких выводах здесь можно было бы говорить в аспекте теоретическом. В аспекте же практическом ситуация вовсе не кажется такой туманной, о чем автор заявляет со всей определенностью: «Отсутствие гражданского общества было вполне осязаемым фактом советской повседневности» (с. 40). Причем концепции, о которых идет речь в данной связи, не проливают света на это историческое обстоятельство.

В третьем разделе рассматривается вопрос об отношении теоретиков раннесоветской эпохи к понятиям права и правового государства. Здесь разбираются некоторые идеи М.А. Рейснера и Е.Б. Пашуканиса. Припоминается также известный фрагмент из Солженицына, иронизирующего над красным прокурором Крыленко, который оказался в конце своей «славной революционной биографии» в тюремной камере среди «изменников Родины», коих он сам в свое время яростно клеймил и разоблачал. В результате разговор переходит (как и в предыдущем разделе) в практическое русло. Его итог выражается в следующей формулировке: «В настоящее время перед Россией стоит задача создать совершенно новую правовую культуру. Легко написать новые законы и перевести на русский язык западные

учебники права. Трудно заставить законы работать в условиях, когда правовая культура столь искажена и неразвита... Ясно, что Россия должна пройти долгий путь, прежде чем она станет действительно конституционным государством» (с. 46–47). Такой диагноз справедлив, но вместе с тем не оригинален. Просто говорить о правовом нигилизме в России — это трюизм. Его нужно исследовать, и здесь ссылки на Рейснера, Пашуканиса, Разумовского, Стучку или даже на Крыленко с Вышинским выглядят не слишком убедительно.

В четвертом разделе главы представлены различные объяснения феномена сталинизма. Из западных исследований упоминаются работы Такера, Гоулднера, Фридриха и Бжезинского. Много места отводится под разбор трактовок сталинизма, принадлежащих российским писателям и публицистам. Основным русскоязычным источником по данной теме для автора становится сборник «Осмыслить культ Сталина» (анализу подвергаются включенные в него статьи Л. Баткина, Л. Аннинского, Е. Евтушенко, Л. Седова, О. Лациса и др). В полемику о сталинизме, развертываемую на страницах книги, включаются по воле автора также Михаил Шолохов, Владимир Маяковский, Василий Гроссман, Рой Медведев.

В заключительном разделе главы «Власть» социолог как бы перекидывает смысловой мостик к содержательной проблематике следующей главы — «Классы». Здесь он сосредоточивается на описании социально-групповых характеристик властных отношений, существовавших в советском обществе в отдельные периоды его истории. Рассматриваются также тенденции фактического видоизменения указанных отношений (в том числе и новейшие — определяющие специфику протекания социально-трансформационных процессов постсоциалистического периода). В центре внимания оказывается элита — старая советская и новая российская. В фокус исследовательского интереса, таким образом, попадает реальная эмпирическая логика тех «подвижек» и изменений, которые происходят в последние годы в социально-гетерогенном корпусе российской политической и экономической элиты.

Тема классовых отношений занимает автора книги более других тем. Она изучена очень обстоятельно — как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Знание истории вопроса, свободная ориентация в публикациях «переднего края», систематизированные статистические и демографические данные, последовательно отстаиваемая (хотя и несколько тяжеловесно очерченная) теоретическая позиция — достоинства третьей главы. Классовый анализ — область профессиональной специализации М. Кивинена. Об этом можно судить хотя бы по списку его научных статей, включенных в общий библиографический указатель к книге.

Глава о классах состоит из четырех разделов: «Общественные классы в социологии», «Классовая структура советского общества»,

«Проблема среднего класса» и «Новые процессы в классовых отношениях». К этому смысловому блоку относится приложение 2 — «Классовый анализ как программа исследования». Приступая к изложению обозначенной темы, автор стремится продемонстрировать собственную приверженность классовому анализу как особой концептуальной ориентации. (Речь здесь идет, разумеется, не о приверженности теории Маркса или какой-либо другой «диадической» теории социальной стратификации.) «Я убежден, — пишет М. Кивинен, — что в исследованиях постсоциалистических обществ классовый подход может рассматриваться как вполне работоспособный инструмент анализа. Для этого необходимо критически пересмотреть традиционные для этого подхода упрощения и еще раз внимательнейшим образом приглядеться к его основным положениям» (с. 88).

М. Кивинен разрабатывает и апробирует собственную (как он сам считает) версию классового анализа. Своеобразие предлагаемой трактовки выявляется (вернее было бы сказать — должно выявляться) в процессе сравнения ее общих и частных принципов с аналогичными компонентами понятийного аппарата других вариаций современной классовой теории. В первом ряду исследователей, с позицией которых М. Кивинен соотносит свою собственную, значатся имена Дж. Голдторпа, Г. Маршалла, Э. Райта, Дж. Ремера и С. Кларка. В зависимости от текущих обстоятельств хода дискуссии, ее темы и содержания автор то принимает, то отвергает аргументы, выдвигаемые названными учеными. Классовый анализ, полагает М. Кивинен, не панацея для социальной теории: какие-то явления он объясняет, а какие-то — нет. Эвристические возможности данного подхода велики, но не безграничны.

Западное общество, советское общество, российское общество 90-х годов XX столетия — все эти общества являются или являлись классовыми. Для каждого из них были (или остаются по сей день) типичными такие «атрибуты жизни», как неравный доступ к дефицитным ресурсам, эксплуатация, отчуждение, противоречие между умственным и физическим трудом. Хотя классовый анализ и не является интеллектуальным анахронизмом, он тем не менее остро нуждается в уточнении ряда значимых для него теоретических принципов. Так, например, М. Кивинен указывает на целесообразность различения понятий «классовая позиция» и «классовая ситуация». Если первый концепт определяется «при помощи отношений собственности и господства, складывающихся в самом процессе производства», то второй «определяется через более конкретные характеристики, такие, как ситуация воспроизводства (доход, образование, позиция на рынке труда) и трудовые отношения» (с. 85). Выясняется также, что в обновленной версии классового анализа классы должны рассматриваться не только как «социо-экономические реальности», но и как особого рода «культурные конструкты» (с. 87).

Свое исследование истории развития классовых отношений в Советской России М. Кивинен начинает с разоблачения знаменитой идеологемы об усилении общественной однородности в условиях социализма. Так называемые «бывшие эксплуататорские классы» за 10–15 лет существования большевистского режима были полностью уничтожены. Однако об отмирании классов не могло идти и речи. Неравенство между отдельными социальными группами в советском обществе не только не сокращалось, но, наоборот, усиливалось. Параллельно протекали процессы кристаллизации внутри- и межгрупповых отношений, оформлялись интересы конкретных групп. Находившиеся в привилегированном положении города дистанцировались от безжалостно эксплуатируемой деревни. Специалисты, управленцы и служащие по образу жизни, характеру труда и логике построения карьеры сильно отличались от промышленных рабочих. Партийно-государственная номенклатура вообще существовала в своем особом мире, имевшем очень мало общего с миром повседневности простых граждан. От десятилетия к десятилетию мозаика социальной структуры советского общества менялась: одним группам давалась «зеленая улица», для других наступали тяжелые времена. Основания для классовых конфликтов не исчезли, но приобрели новый вид: борьба между трудом и капиталом, между наемным работником и частным собственником уступает место борьбе за доступ к находящимся в руках государства источникам распределения материальных благ.

Расклад социальных сил в современном российском обществе, по мнению М. Кивинена, характеризуется высокой степенью неопределенности. Представители разных групп в условиях перехода к новой (рыночной) системе социально-экономических отношений выбирают разные пути и стратегии социально-адаптационной активности. Сегодня можно утверждать, что от внедряемого в российскую действительность проекта модернизации выиграла одна лишь элита (управленцы высшего звена, сохранившие свою власть на местах, успешно (то есть в своих интересах) осуществившие приватизацию, верхушка прослойки удачливых частных предпринимателей). Политика реформ, проводимых в современной России, все еще не имеет сколько-нибудь надежной социальной базы. Поддержка широкими кругами общественности осуществляемых правительством преобразований носит скорее декларативный, нежели реальный характер. Выражение такого рода поддержки не сопровождается осознанием тесной связи между ожидаемыми последствиями реформ и конкретными интересами тех или иных больших социальных групп (отдельных категорий служащих, интеллигенции, рабочих, фермеров). «Потенциальный средний класс» потенциально силен, но фактически слаб. Гражданское общество пребывает в состоянии апатии. Резкий контраст между полюсами богатства и бедности, распространение экстремистских настроений и многое другое накаляют общественную атмосферу, де-

лают ее чрезвычайно чувствительной ко всякому негативу и одновременно мало восприимчивой к конструктивным воздействиям. Срединная же область общества и культуры, как и обычно в России, оказывается невостребованной и нереализованной в своих социально-созидательных возможностях.

Глава о культуре является в концептуальном отношении самой простой и самой понятной. Здесь автор использует очень ограниченные средства интерпретации фактов. Центральная для данной части работы идея проходит рефреном почти через весь текст главы. Автор перелагает некоторые утопические проекты, бытовавшие в российском обществе дореволюционной эпохи. Крестьянская утопия, административно-этактистская идеология, интеллигентская утопия, заимствованная из снов Веры Павловны, футуристическая коллективистская утопия в духе богдановской «Красной звезды» — эти мировоззренческие системы так или иначе влияли на большевистский жизненный стиль, определяя в большей или меньшей степени его культурные горизонты. Далее большевизм сравнивается с православием, причем сравнение это, осуществляемое автором на нескольких страницах, выглядит довольно грубым. Ссылки на Бердяева не облегчают ситуации, хотя и способствуют ускоренному продвижению мысли автора в желаемом направлении. Внимание автора привлекает также идея Ю.М. Лотмана о дуализме русской культуры, укорененном в недрах богословски фундированного православного миропонимания (отсутствие идеи чистилища, способной аксиологически легитимизировать существование «срединного слоя» — не однозначно праведных и не однозначно греховных — институциональных образований и соответствующих им социальных практик).

Однако в качестве лейтмотива главы выступает другая идея. Номинально, то есть на уровне используемой для ее описания терминологии, она заимствуется из багажа дюркгеймианской традиции социологической мысли. Реально же теоретическая схема автора выглядит вполне самодостаточной и автономной. Символическому пространству создаваемой большевизмом картины мира приписывается несколько качеств, структурируемых при посредстве дюркгеймовской терминологической диады «божественное — мирское» (священное — профанное). При этом статусом божественного наделяются положительные, а статусом земного — отрицательные ценностные компоненты данной картины. В результате образуются шесть содержательных контроверз, каждая из которых получает соответствующую авторскую характеристику: 1) наука — религия; 2) прогресс — отсталость; 3) развитие средств производства — нищета; 4) город — деревня; 5) пролетариат — буржуазия; 6) партия — царь. Первый член во всех этих парах обозначает божественное (ценности со знаком плюс), второй — мирское (ценности со знаком минус). Названные ценности конституировали своеобразный универсум миропони-

мания и формировали жизненные практики интернализовавших их социальных субъектов. «Именно эти священные коды, — пишет М. Кивинен, — рождают мотив действия и дают ему импульс. В них содержится интерпретация событий, заставляющая людей совершать исключительные поступки, приносить жертвы и предаваться самоотречению во имя революции» (с. 183). Священные коды должны были внедряться в действительность, преобразовывать ее в соответствии с заданным образцом. Однако действительность не укладывалась в прокрустово ложе перечисленных бинарных мифологем, и потому результаты внедрения кода в жизнь в большинстве случаев оказывались не соответствующими предъявляемым по отношению к ним ожиданиям, явно контрастирующими с первичными целями производивших их на свет социальных преобразований.

Почему разрушилось «большевистское божественное»? Авторский ответ на этот вопрос выглядит так: «Скорее следует вести речь о непреднамеренных последствиях, вызывающих особую напряженность между кодом и действительностью. Для каждого аспекта божественного существовал особый дополнительный аспект. Этот «третий» аспект поначалу отвергался или игнорировался бинарными кодами. Но после первых попыток превратить коды в реальную социальную практику, изменить мир с их помощью, третий аспект заявил о себе, становясь непреднамеренным последствием предпринимаемых шагов» (с. 184). И далее: «Непреднамеренные последствия также превращаются в дополнительные структурные формы и институты. Первоначальный код не может воспринять дополнительных образований. Поэтому они превращаются в табу, в негативное божественное, которого нельзя касаться. Наряду с реальным божественным возникает особый дополнительный случай (закрытая область или непреднамеренный элемент структуры)» (с. 184).

Таким образом, диада «божественное — мирское» как бы расширяется, превращаясь в триаду «божественное — мирское — табу». Общество, вдохновляемое идеалом, создает совсем другую реальность — не похожую на ту, которую планировалось создать. И эта самая образовавшаяся реальность табуируется (чтобы никого не испугать), прячется за фасадом официального «божественного». 1. Вера в науку, рациональный и предсказуемый характер общественных изменений скрывает черты демонизации действительности. 2. Вера в прогресс скрывает хаос. 3. Идеологически санкционированный примат производства застилает обманной пеленой многочисленные проявления страсти потребительства. 4. Новые социалистические города, призванные стать очагами цивилизации и прогресса, на поверку оказываются «большими деревнями». Строители коммунизма живут в мире крестьянских, патриархальных ценностей. Веселятся, пьянствуют, презирают женщин, уваливают от работы. 5. Миф о священном пролетариате остается мифом на фоне утверждения власти номенкла-

туры и развертывания социальных притязаний «нового среднего класса» (все увеличивающейся «прослойки» служащих и специалистов). 6. Партия — это «белое братство», сакральное «сообщество посвященных» — таит в своем чреве чудовище НКВД.

Иначе говоря, каждому аспекту божественного соответствует свой аспект табуированной реальности: 1) демонизация действительности; 2) хаос; 3) потребление; 4) деревенский образ жизни; 5) номенклатура и новый средний класс; 6) НКВД. В советское время людям приходилось жить в двух измерениях реальности — тайном и явном. Данные измерения в значительной мере противоречили друг другу. «Многие требования в отношении жизненных практик находились в конфликте с великим повествованием большевизма. Постепенно эти конфликты подрывали фундамент официального божественного» (с. 225). В послевоенное время, и особенно в 70–80-е годы, широчайшее распространение получает социально-адаптационная стратегия, именуемая автором «приватизацией божественного». Здесь М. Кивинен ссылается на работы В.Э. Шляпентоха, рисуя при этом следующую картину: «Как это ни парадоксально, но общественное движение, подчеркивавшее значение коллективных жизненных практик, привело в конце концов к высокой степени приватизации социальной действительности. В течение последних десятилетий советской власти люди постепенно утрачивали верность официальным идеалам... Тенденция к приватизации нашла отражение в эрозии трудовой этики, падении уровня производства, ритуализации общественной работы и участия в политической жизни. Советский менталитет раскололся на два уровня — прагматический и идеологический... В последние годы советской власти возник резкий контраст между мифологией и поведением. Люди принимали большинство официальных догм, но совершенно не учитывали их в своем реальном поведении. Поведение было по-прежнему ориентировано на получение привилегий в индивидуальном порядке. Такое раздвоение фактически означало ослабление официального божественного в сравнении с дополнительной областью действия» (с. 231, 232).

В структуре всякой научной монографии непременно присутствует финальный компонент — то, что обычно называется заключительной частью исследования. Имеется таковая и в работе М. Кивинена. В содержательном плане она едва ли заслуживает отдельной характеристики, поскольку в значительной степени повторяет первую главу книги (введение). Речь идет практически о том же: трагических испытаниях, выпавших на долю российского общества в прошедшем столетии, об исторических уроках, преподнесенных Россией мировому левому движению, о критико-просветительской миссии «социологического воображения» и т. п. Ко всему этому прибавляется лишь одна «новая» мысль: «В России все не так, как на Западе» (с. 237). Что это: модное суждение, банальность, секрет Полиши-

неля, истина, испытанная временем, «сермяжная правда»? В любом случае данное суждение преподносится как резюме, как окончательное авторское «что и требовалось доказать». Вероятно, для убедительности формулируется обнадеживающая рекомендация: «...социологические концепции могут применяться для анализа российского общества, но только если они признают особость России, обусловленную ее историей. Например, вполне допустимо обсуждать судьбы демократии в России, но при этом нужно иметь в виду, что существуют границы демократизации российского общества и эти границы заданы ее прошлым. Можно рассматривать Советский Союз или Россию как классовые общества, но при этом следует признавать историческую специфику становления классовых отношений в этой стране. В российской культуре присутствует как божественное, так и мирское начало, но для того чтобы эти понятия стали для нас полезными, необходима определенная степень социологического воображения. Нужно увидеть, как исторические процессы переплетаются с повседневной жизнью... Найти дорогу вперед можно только при помощи рефлексирующего социологического анализа, не закрывающего глаза на особые структуры российской социальной реальности. Это даст возможность глубже понять происходящее и наполнить большим смыслом критический подход» (с. 237–238, 241).

Книга М. Кивинена может рассматриваться как образец нового жанра социальной публицистики, в котором с поразительной асимметричностью воспроизводятся теоретические схемы (отчасти напоминающие схемы научного коммунизма), призванные описывать и интерпретировать феномен «особого российского пути». Содержание монографии представляет собой образец переноса обстоятельных бытовых рассуждений в область социологического воображения, которое остается вполне на уровне повседневности.